

СЕДЬМАЯ ПЕЧАТЬ

цикл «Семерие»,
книга первая

18+

Эльга Лореш
Седьмая печать

«Автор»

2026

Лореш Э.

Седьмая печать / Э. Лореш — «Автор», 2026

Скрипторий Руны обещает курсантам силу, статус и место среди тех, кто защищает Твердь. Но за торжественными речами и красивыми клятвами скрывается другая сторона академии: правила, о которых не говорят вслух, и испытания, после которых не все возвращаются живыми. Эвия Вальстин поступает в академию, не подозревая, что её сила не подчинится тому, чему здесь учат. Чем глубже она втягивается в жизнь Скриптория, тем яснее понимает: здесь опасны не только ошибки в рунах. Опасны вопросы. Старые тайны. И люди, которые знают ответы. Эвии приходится выбирать, кому верить. Скрипторию? Короне? Дрейку Айронвуду, который однажды уже исчез из её жизни? Или собственной силе, для которой в правилах Скриптория нет места?

© Лореш Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Эльга Лореш

Седьмая печать

Глава 1

*Если я ошиблась, пусть Семеро
простят мне страх. Если нет — пусть дадут ей время
возненавидеть меня позже.*
<i>Из незавершённой записи Греты Вальстин.</i>

Комната в общежитии Скриптория Руны была тесной, почти ученической, но не лишённой уюта. Узкое окно выходило во внутренний двор академии. Даже по ночам там не гасли магические светильники — слабые, тёплые, больше похожие на память о свете, чем на сам свет. В густеющих сумерках их ответ распался на столе бледными пятнами.

Эвия сидела на краю кровати, подтянув к себе ноги, и упрямо не смотрела на шкатулку.

Её принесли утром. Посыльный из канцелярии вручил её вместе с короткой запиской: «Личные вещи. Передано по завещанию».

Тогда у Эвии не хватило духу поднять крышку. Сначала были регистрация, обход общежития, формальности у старших курсантов, затем ужин, на который можно было не идти, но она всё равно пошла — лишь бы не возвращаться в комнату слишком рано. Первые дни в Скриптории, ещё до официального зачисления, не оставляли пространства для слабости. Академия принимала новичков не приветствием, а режимом: встань, успевай, не опоздай, выдержи.

Эвия провела ладонью по волосам — густым, пепельно-русым, обычно убранному в тугую пучок, сейчас рассыпавшимся по плечам. Из зеркала смотрела девушка двадцати одного года с серо-зелёными глазами и бледным лицом; губы разучились улыбаться раньше, чем она сама это заметила. Красавицей она себя не считала. Обыкновенной — тоже. Просто слишком часто чувствовала себя не на месте.

Её взгляд всё-таки вернулся к шкатулке.

Старая, дубовая, потемневшая от времени, с металлическими уголками и витым замком. Ключ от неё полгода висел у Эвии на шее. Перед самым отъездом на северные рубежи бабушка сама надела его ей на шнурок и сказала тоном, не допускающим расспросов:

— Сохрани до нужного момента.

Эвия сохранила. Тогда она ещё не знала, что это будет последнее поручение.

Миссия, на которую бабушку отправили, оказалась засекреченной. Подробностей никто не сообщил. Потом пришло известие о гибели — короткое, официальное, с той сухой вежливостью, которая особенно унижает горе. С тех пор в памяти осталось не событие, а пробел на его месте: словно из мира вынули опору, а всё остальное продолжило стоять по привычке.

Стук в дверь раздался так внезапно, что она вздрогнула. Два удара — негромкие, сдержанные, с уверенностью, неуместной для позднего визита.

— Войдите, — сказала Эвия, не двигаясь.

Дверь открылась, и на пороге появился Кай Айронвуд.

Он был из тех людей, чьё присутствие сначала замечаешь по собранности, а уже потом — по лицу. Высокий, светловолосый, с рассыпанными по скулам веснушками и серыми глазами, в которых всегда жила настороженная ясность. Тёмно-синяя форма Скриптория сидела на нём безупречно. На воротнике и обшлагах серебрились вышитые защитные руны; на груди поблёскивал знак второго курса Факультета Истины — раскрытая ладонь с глазом в центре.

Многие принимали эту безукоризненность за надменность. Эвия знала другое: Кай слишком рано научился держать лицо безразличным к чужим оценкам. Иногда это выглядело как отстраненность. Иногда — как броня.

— Не спишь?

Она качнула головой в сторону стола.

— Не могу. Прислали из канцелярии. Бабушкины вещи.

Кай вошёл, притворил за собой дверь и сел на стул. Он не стал ни расспрашивать, ни утешать. Просто остался рядом — и от этого боль не стала меньше, зато комната перестала казаться такой пустой. Эвия вдруг поняла, как устала за день делать вид, что справляется.

Молчание между ними не тяготило. Оно дало ей больше передышки, чем любые слова.

Через несколько секунд он сказал:

— Ты подала документы на Боевой факультет.

Не вопрос — утверждение.

Эвия едва усмехнулась.

— А ты думал, я выберу целительство?

— Думал, — честно ответил он. — В целительстве ты была сильнее. И... мягче.

— Мягче — не значит слабее.

— Я не это имел в виду.

— Знаю.

Слово сорвалось грубее, чем она хотела. Эвия отвела взгляд к шкатулке и уже тише добавила:

— У меня нет дара Истины, на который можно опереться. Если война идёт к нам, я должна уметь защищаться.

Кай задержал на ней взгляд. В нём одновременно мелькнули уважение и тревога.

— Дрейк удивится.

Имя обожгло неожиданно, как прикосновение к металлу, который давно должен был остыть, но всё ещё хранил тепло.

Чуть больше двух лет назад бабушка познакомила её с братьями Айронвуд. До отъезда Дрейка в Скрипторий оставалось несколько месяцев, и всё это время он приезжал по распоряжению бабушки. Она называла это просто: помочь Эвии стать выносливее. На деле Дрейк снова и снова вбивал в неё несколько простых правил: после удара не замирать; после падения не выпускать кинжал; с линии атаки уходить раньше, чем страх успеет остановить тело.

Она злилась на него на каждой второй тренировке и ни разу не услышала внятного ответа, зачем всё это нужно. Однажды, когда она снова спросила, почему бабушка отдала её именно ему, Дрейк поправил её хват:

— Потому что я не буду тебя жалеть.

— Значит, правды не будет?

Он не ответил. Только снова поправил её хват.

Бабушка на любые вопросы говорила одно и то же:

— Так надо.

Потом Дрейк уехал. Тренировки остались — уже без него, как привычка, которую невозможно бросить. Хуже всего было то, что вместе с ним исчез человек, который, казалось, понимал: бабушка готовит её не просто к Скрипторию.

Кай, должно быть, понял, что продолжать не стоит.

Он поднялся, поправил воротник мундира.

— Завтра общее занятие в Большом лекционном. Постарайся не потеряться в первый же день.

На пороге он задержался и уже тише добавил:

— Хорошо, что ты здесь, Эви.

И вышел, не дожидаясь ответа.

Когда дверь за ним закрылась, тишина в комнате стала заметнее.

Прошло время, прежде чем Эвия решилась подойти к столу. Она медленно провела пальцами по шкатулке. Дерево оказалось тёплым на ощупь — будто та простояла здесь не весь день, а только что побывала в чьих-то руках.

О себе бабушка говорила редко. О службе — чаще: истории с привалов, названия переправ, старые дороги, опорные точки, которые обычному человеку ничего бы не сказали. Эвия привыкла к этим рассказам и редко спрашивала, почему бабушка помнит дороги лучше, чем лица.

Она сняла ключ с шеи, вставила в замок и повернула.

Щелчок прозвучал неожиданно громко.

Под крышкой лежали дневник и сложенное письмо.

Сначала она взяла письмо.

На сгибе темнела старая восковая печать: знак Вальстин, клинок и терновые ветви. Воск потускнел и пошёл мелкими трещинами, но оттиск ещё читался. Под ним стояла пометка: «Лично в руки Эвии Вальстин».

Почерк она узнала сразу — слишком знакомый по коротким письмам, которые приходили с северных рубежей. Ровные строки, резкий нажим, ни одной лишней петли. Так писала не только бабушка. Так писала Грета Вальстин — генерал, привыкшая отдавать распоряжения и получать ответ без лишних вопросов.

Эвия долго смотрела на печать. Потом выдохнула, поддела край ногтем и надломила воск.

Тонкий хруст прозвучал почти неслышно. И всё же после него письмо уже нельзя было снова сделать нетронутым.

Она развернула лист.

«Эви, если это письмо у тебя, значит, мой последний приказ выполнили.

Я велела передать шкатулку только тогда, когда ты окажешься в Скриптории. Не раньше. Там тебя будут учить держать руну, порог и предел. Это нужно. Но это не главное.

В тебе скрыта сила Истины. Скрипторий попытается встроить её в свои правила. Слушай, что тебе скажут. Но назначение этой силы выбирай сама.

Ты будешь видеть то, чего обычному рунписцу не видно. Не пугайся. И не тянись сразу.

Я закрыла твой дар не потому, что не верила в тебя. Я пыталась выиграть время. Тебя не должны были заметить раньше, чем ты научишься защищаться.

Помни: у всякой силы есть предел. У твоей — тоже. Если переступишь его, боль будет не самой страшной платой.

Семеро не спасают тех, кто сам лезет под удар. Но иногда дают секунду понять, куда не стоит тянуться.

На дне шкатулки лежит артефакт.

Если готова открыть то, что я закрыла, коснись его.

Время пришло, Эви.

Грета Вальстин.»

Эвия перечитала письмо дважды, потом ещё раз — медленнее.

Строки оставались теми же. Менялось другое: воспоминания, которые ещё минуту назад не имели между собой связи, вдруг начали вставать на места.

Дар.

Артефакт.

Грета знала.

Страх пришёл не сразу — тихий, холодный, почти запоздалый.

Сначала было другое: злое, почти обидное понимание.

Бабушка не просто молчала. Она выбрала за неё время, способ, даже момент, когда правда станет неизбежной.

И только потом, под злостью, появилось другое чувство. Тихое. Неловкое.

Облегчение.

Тепло под рёбрами. Мгновения, когда чужие лица на секунду теряли чёткость, а мир словно отходил в сторону. Усталость, которая приходила без причины и не проходила после сна.

Все эти годы Эвия находила объяснения каждому из этих странных сбоев.

Недосып. Нервы. Странности тела.

Что угодно — только не дар, который всё это время пытался пробиться сквозь закрытую Гретой печать.

Эвия осторожно опустила письмо в шкатулку и открыла потайной ящик на дне.

Там лежали ножницы.

Маленькие, тонкие, изящные — не столько бытовой инструмент, сколько странная заколка. В сомкнутом виде лезвия ложились рядом, как две узкие пластины-шпильки, а у основания прятался крошечный рунный зажим. По металлу шла гравировка: переплетающиеся линии, похожие и на орнамент, и на схему, и на неразборчивую запись чужой воли. Этими ножницами бабушка когда-то закалывала волосы. Эвия много раз видела их блеск в седых прядях и ни разу не задумалась, почему эта на вид обычная вещь всегда была при ней.

На мгновение ей захотелось захлопнуть шкатулку, спрятать ключ обратно и прожить ещё хотя бы несколько дней в прежнем неведении. Но поздно было делать вид, что письмо не прочитано.

Эвия коснулась ножниц.

Металл дрогнул под пальцем — не сдвинулся, но откликнулся на короткий миг, как вещь, узнавшая руку.

Воздух в комнате изменился сразу.

От Эвии разошлась волна — невидимая, но ощутимая всем телом. Бумаги взметнулись со стола, магический светильник погас, занавеска дёрнулась так резко, будто окно распахнули настежь.

В ушах зазвенело — высоко, мучительно, до тошноты, до дрожи в коленях. Эвия согнулась, вцепившись пальцами в виски, но звук не ушёл. Только провалился глубже, прошёл сквозь кости.

Постепенно звон ослаб.

Она подняла голову — и увидела себя в зеркале.

Волосы светились бело-синим — холодный огонь вошёл в каждую прядь. Тем же светом горели глаза.

Но страшнее было не это.

Она увидела связи. Нити.

Они тянулись от её груди, от кровати, от стола, от стен, от дверной ручки, от чернильницы, от книги на подоконнике — от всего, что было рядом, живого и неживого: мир состоял не из предметов, а из связей между ними. Нити мерцали, пульсировали, едва заметно колебались, и взгляд больно цеплялся за каждую.

Эвия не знала, сколько это длилось. Может быть, меньше минуты.

Когда ветер стих, свет в волосах погас. Комната снова стала комнатой.

Она стояла, тяжело дыша, и только тогда заметила, что всё ещё сжимает ножницы. Металл был тёплым, почти живым. В зеркале была всё та же девушка. Только прежней она себе уже не казалась.

— Что ты во мне закрыла?.. — выдохнула она.

И всё же в теле осталось новое ощущение — не сила даже, а чужая пока, но бесспорная возможность. Там, где раньше была только глухая тревога, теперь ощущалось присутствие чего-то живого, настороженного, ещё не понятого.

Руки дрожали так сильно, что она не сразу смогла отойти. Особенно тот палец, которым касалась ножниц, всё ещё немел.

Она сжала заколку крепче и медленно оглядела комнату, заново проверяя её на реальность.

В этот момент в дверь ударили.

Не постучали — именно ударили: быстро, настойчиво, несколько раз подряд.

Эвия вздрогнула. В первое мгновение решила, что это вернулся Кай, подошла к двери и распахнула её.

На пороге стоял Дрейк.

На секунду у Эвии перехватило дыхание.

Она не видела его два года, но тело узнало его раньше мысли — по тому, как внезапно напряглись плечи, как сбился ритм сердца, как пальцы сильнее вцепились в край двери.

Дрейк казался выше, чем она помнила, хотя дело было не в росте. Он просто стоял так, что дверной проём сразу стал теснее.

Тёмно-русые волосы были длиннее прежнего, пряди падали на лоб. На шее, над воротом форменной куртки, белела тонкая метка — шрам, которого два года назад не было. Серые глаза с холодным синеватым оттенком смотрели на неё без приветствия и без смущения.

От него пахло дорогой, металлом и чем-то горьким, пряным. Эвия слишком поздно поняла, что задержала дыхание.

Он упёрся одной рукой в косяк на уровне её головы и слегка склонился, пытаясь найти на её лице ответ раньше, чем задаст вопрос.

Несколько секунд они молчали.

Возле Дрейка нити не тянулись и не мерцали. Они будто заканчивались раньше, чем Эвия успевала их увидеть.

— Какого хрена ты здесь делаешь? — хрипло спросил Дрейк. — Твой факультет — целительство.

Не «здравствуй». Не «давно не виделись».

Злость вспыхнула мгновенно.

— Серьёзно? — отрезала она. — Два года ни слова, а теперь тебя волнует, куда я поступаю?

Голос дрогнул на последних словах. Злило не то, что он исчез. Злило, что он когда-то учил её так, будто знал об опасности больше, чем говорил.

На губах Дрейка мелькнула улыбка. Слишком быстрая, чтобы назвать её настоящей.

— Я не об этом.

Он коснулся пальцами своего запястья — туда, где она когда-то неуклюже задела его кинжалом на тренировке.

— Ты хоть понимаешь, куда влезла?

Он быстро проверил её взглядом: лицо, дыхание, остаточную дрожь после выброса.

— На боевом тебя беречь не будут. А с тем хватом, который я помню, тебя сломают раньше, чем ты это поймёшь.

Он попал туда, где и без него болело.

Эвия вскинула подбородок.

— Не твоё дело. И вообще, что ты здесь забыл?

— Почувствовал выброс энергии, — ответил он. — Такой не игнорируют.

— И сразу понял, что надо ломиться именно ко мне?

— Я не знал, что ты здесь.

Он сказал это без лишнего выражения, но на миг посмотрел в коридор — туда, где в стене тянулась медная жила дежурного контура.

— Был на обходе северного крыла. Медный контур отметил сбой, но тревогу не поднял. Я был ближе.

Теперь Дрейк оценил уже не её — комнату за её плечом: разбросанные бумаги, потухший светильник, шкатулку на столе.

И только потом заметил ножницы в её руке.

— Что здесь произошло?

Он спросил это, всё ещё глядя на ножницы. И лишь после вопроса поднял глаза к ней.

Эвия выпрямилась. Рука с ножницами сама ушла за спину.

— Не знаю, о чём ты.

Дрейк выдержал паузу.

— Врёшь.

Он поймал её ложь так же, как когда-то ловил ошибку в ударе: раньше, чем она сама успевала её заметить. Память тут же вернула его ладонь поверх её пальцев на рукояти кинжала, короткую команду у самого уха, чужое тепло там, где она не просила его быть.

Эвия не отвела взгляд.

— Даже если так — тебя это не касается.

Он медленно убрал руку с косяка.

— Касается. Без причины запись уйдёт выше. А там спросят не так вежливо.

— Запиши: первокурсница не удержала руну.

Дрейк посмотрел на потухший светильник.

— Обычная руна не доходит до медного контура.

— Тогда запиши, что первокурсница перестаралась.

— Эвия.

Она усмехнулась без веселья.

— Что? Я не готова сейчас слушать нотации. Мне хватило, когда ты играл в наставника.

Слово «играл» задело сильнее, чем она рассчитывала.

— Я не играл.

Он произнёс это без злости. И от этого возразить стало труднее.

На мгновение он посмотрел не на неё, а туда, куда она убрала руку.

— Запишу как ложный отклик, — сказал он. — Закрой дверь. И никому не открывай до утра.

Приказной тон сразу ударил по нервам.

— Не командуй мной.

Дрейк устало выдохнул.

— Тогда хотя бы пару часов не делай глупостей.

Он отступил на шаг.

— Завтра увидимся.

Не спросил. Сообщил.

Развернулся и пошёл прочь по коридору.

Эвия несколько секунд смотрела ему вслед.

Конечно. Снова появился тогда, когда сам решил. Снова увидел больше, чем она хотела показать. Снова ушёл, ничего не объяснив.

— Ну и иди к чёрту, Дрейк, — бросила она ему вслед.

Он остановился.

Не обернулся.

Только плечи заметно напряглись под тёмной тканью куртки.

Потом всё-таки ушёл.

Эвия захлопнула дверь и прижалась к ней спиной. Дрожь догнала её только теперь.

Поднеся пальцы к горящим щекам, она беззвучно выдохнула:

— Чёрт бы тебя побрал, Дрейк Айронвуд.

В комнате было тихо. Слишком тихо для вечера, в который у неё проснулся дар.

А Дрейк Айронвуд вернулся, когда она стала опасна не только для себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.